

ЕЛЕНА РАДЕЦКАЯ

ЭФФЕКТ ЛАЗАРЯ

Финалист
литературной
премии
«Ясная поляна»
в номинации
«XXI век»

Елена Радецкая

Эффект Лазаря

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/63061612>

АСТ; Москва;

ISBN 1

Аннотация

<p>Стремительно и незаметно текут года, то оставляя за собой легкий шлейф печали и ностальгии, то накатывая на берег жизни штормовой волной. Не успеешь оглянуться, как за один неуловимый миг «все былое в отжившем сердце ожило», воскресло с новой, неизведанной силой. Любовь есть в жизни каждого, но такая разная: для кого-то тягостная и безответная, для кого-то искрящаяся, дарящая надежду и вдохновение, – а есть любовь, что проходит сквозь поколения и время, дремлет и ждет своего часа, чтобы вновь проснуться...</p>

<p>Книгу Елены Радецкой «Эффект Лазаря», полную причудливых сюжетных коллизий и поворотов, можно назвать и приключенческо-авантюрной, и семейно-бытовой, и психологической с элементами фантастики, но прежде всего – это роман о любви. О поисках любви всеобъемлющей, универсальной: к мужчине, к матери, к ребенку, к приبلудному рыжему коту, ко всему сущему, что окружает человека. Любовь героини – это любовь-страсть, любовь-самопожертвование, любовь-парадокс, она не предполагает

взаимности, и оттого трагична в своей сути, но, как оказывается, не безнадежна.

Проза Радецкой – это умное, тонкое и нежное письмо, способное удовлетворить самый взыскательный литературный вкус. Точно разработанная фабула, убедительные психологические мотивировки, живо написанные характеры – все это делает роман «Эффект Лазаря» произведением зрелого мастера, которое, безусловно, найдет своего читателя.

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	17
5	24
6	26
7	36
8	43
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Радецкая

Эффект Лазаря

1

Третьего мая, в девять вечера, когда позвонила Сусанка, я моталась по квартире совершенно несчастная, в пижаме, с полотенцем на голове и с пустым бокалом в руке. На улице было светло, солнце и не думало заходить, начинались белые ночи. В форточку веяло весной, а я чувствовала себя усталой, растерянной, одинокой и никому не нужной.

День провела у свекрови: с утра – рынок, потом мытье окна и балконной двери, протирка полов и наконец, самое трудное – выкупать полупарализованного свекра. Свекровь я всегда любила, но с тех пор, как она стала нуждаться в моей помощи, что-то изменилось в наших отношениях. Человек независимый, она ненавидела свою старческую беспомощность и необходимость в подмоге, появилась в ней какая-то напряженность и виноватость. А может, она просто постарела. В общем, она перестала быть для меня взрослой подругой, как раньше, и разговоры наши – когда-то обо всем на свете – стали исключительно бытовыми.

Ко Дню Победы к свекрови на постоянное место жительства должна была заявиться сестра-старуха с дочуркой го-

дов пятидесяти, так что моя деятельная опека над стариками благополучно завершалась. На прощание свекор прошамкал что-то вроде того, чтобы не забывала их, а свекровь увлекла в соседнюю комнату и строго сказала:

– Когда эти приедут, я уже не смогу свободно распоряжаться своими вещами. Так что, пожалуйста...

Она ссыпала мне в руки кучку своих сокровищ: золотое кольцо, нитку жемчуга, нитку кораллов, какое-то этнографическое монисто с серебряными бляшками и бирюзой, черную агатовую брошку размером с пятак, украшенную спиралькой из крошечных бриллиантиков. На мои квелые возражения свекровь заявила:

– Это мое решение. И не вздумай прекословить. И вот это заберешь.

«Вот это» было старинным глобусом такой величины, что если бы я приняла форму эмбриона, то вполне могла бы расположиться в его чреве. Вместо голубых океанов и зелено-коричневых материков поверхность шара напоминала цветом слоновую кость, только очень темную, будто она сто лет пролежала в земле, и еще сто – на солнце. Вода была светлее, суша – темнее. Каллиграфические, тонкие, словно мушиной лапкой сделанные, курсивные надписи – на английском.

Я с трудом дотащила до автобусной остановки, воображая, как было бы здорово, если бы глобус волшебным образом наполнился гелием, и мы бы с ним полетели к черто-

вой матери с жемчугами, кораллами и моей дурной башкой. Затем я призывала высшие силы посодействовать, чтоб автобус не был битком набит, а глобус пролез в двери. И они посодействовали, но в дверях я все равно замешкалась, примериваясь, как ловчее протолкнуть в автобус пузо глобуса, как вдруг меня что-то приподняло и поставило на ступеньки. Поначалу я так и подумала, будто небесные силы, к которым я страстно взывала, подсобили, но помощь оказал обычный гражданин, который сзади посадил меня под попу. Я была не в обиде: и ему приятно, и мне полезно.

Домой приползла на последнем издыхании. Глобус водрузила на круглый стол в проходной комнате и с грустью подумала, что здесь он будет стоять вечно, и чай, кофе, вино и прочее с друзьями-гостями нам уже за этим столом не пить. Вещь, конечно, не слабая, старинная, красивая, но чрезмерно громоздкая и бессмысленная в моей и без того нелепой жизни.

Комната золотилась закатным светом. В окне – черемуха в зеленой дымке. Я включила телевизор, чтобы не сидеть в тишине, и заревела. Продолжительное время жила я в полной гармонии с собой, но, видимо, гармония закончилась. Открыла бутылку красного сухого и хлопнула бокал. И снова зарыдала. Почему? Потому что жизнь прожита бездарно и напрасно, за окном весна, а я одна, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...

Потом я стояла под горячим душем и продолжала реветь.

Потом надела пижаму, замотала полотенцем мокрые волосы, выключила телевизор – невозможно слушать блянье и мяуканье опостылевших шоу-звезд и не сойти с ума. Выдула еще бокал вина и снова чуть не заплакала, потому что подумала, как легко спиваются женщины, а у меня дурная наследственность. Вспомнив встречу с маминой старой приятельницей, с новой силой захлюпала носом от пережитого унижения. Она меня спросила о том, о сем, а потом о матери: «Она по-прежнему не плюет в рюмку?» В первый момент я даже не поняла, о чем это она, никогда не слышала такого выражения. Затем дошло: пьянствует ли мать по-прежнему? – вот о чем спросила старая карга. «А что она, верблюд?» – вот как я должна была ей ответить, если бы чувствовала себя уверенной, независимой женщиной. А еще лучше и проще: «Не ваше собачье дело».

В результате я решила выпить еще бокальчик и залечь спать. Тут Сусанка и позвонила.

2

Сусанка – жена Кости Самборского, моего двоюродного (точнее – троюродного, а может, четвероюродного, не помню точно какого) брата. С Костей и Сусанкой я не общалась целую вечность, однажды встретила Костю на улице, а года три назад видела Сусанку в каком-то сериале, в эпизодической роли.

О Сусанке рассказывали невероятную историю. Якобы в театральном, где она училась, дела у нее шли плохо, ее даже собирались отчислить, но кто-то заступился. На выпускном спектакле у нее была маленькая роль, где нужно было выскочить на сцену, рухнуть на диванчик и заразительно засмеяться. Рухнуть у Сусанки получалось, а вместо смеха она издавала нечто, похожее на придушенное, страдальческое рыдание. И вот настал урочный день и час. Сусанка вылетела на сцену легкая, как шампанское, повалилась на диванчик и так звонко и заливисто засмеялась, что внезапно кто-то из зрителей засмеялся, а еще через минуту хохотал весь зал. Сусанка болтала в воздухе ногами, сползла с дивана от хохота, а когда от нее потребовалась реплика, стала махать рукой, словно стараясь затормозить действие – сейчас, сейчас, одну минутку! – и потом кое-как выдавила из себя слова. Актеры остолбенели, а режиссер бегал за кулисами и шипел: «Истеричка! Да уберите же ее со сцены!» Как Сусанку убрали, что-

бы продолжить спектакль, не знаю, но, видимо, на кого-то она произвела сильное впечатление.

Режиссер всыпал Сусанке по первое число, но диплом она получила, а заодно приглашение в театр, куда ей и не снилось попасть. В конце концов она нашла себя в массовках, играла в группах фрейлин, крестьянок и т. п. Я видела ее в «Тени» Шварца, в кучке курортниц, и до сих пор помню ее звездную роль из двенадцати слов: «Доктор, а отчего у меня под коленкой бывает чувство, похожее на задумчивость?...»

И вот я снова слышу ее мелодичный голос. Она говорит, что Костя дней десять назад поехал на дачу к больному отцу, и с тех пор от него ни слуху ни духу, и мобильник молчит. У Сусанки спектакли в праздники бывают по три в день, к тому же играют все время на разных площадках, потому что в театре ремонт, зимой была колоссальная протечка. В общем, у нее очень напряженный режим, съездить на дачу она не может и попросить некого, кроме меня. Все-таки родственница...

– А что с дядей Колей? Что за болезнь?

– Старость. Жить на даче он уже вряд ли сможет, ему нужен уход, так что придется забирать его в город. Как Костя справится с этим, не знаю...

– Почему Костя? А ты?

– Я теперь живу в другом месте.

– Вы развелись? – изумилась я.

– Почти, – загадочно отозвалась Сусанка.

– Интересно, ты все такая же хорошенькая? – Я воображала, будто подумала это про себя, оказалось – вслух.

Сусанка засмеялась и сказала:

– Смешная ты.

Однако Сусанкин смех ответил: кто бы сомневался!

Она наполовину армянка, но не черненькая, а светлая. Раньше своим нежным личиком и густыми кудряшками она походила на помесь ангела и овцы.

Я обещала завтра же съездить на дачу и перезвонить ей. Налила третий бокал, но не выпила, врубила комп и набрала в «поиске» – «расписание электричек». Сбросила пижаму, сорвала полотенце с головы и оделась с армейской скоростью, красоту наводить времени не было. Уже выскочила за дверь, но вернулась, выгребла из холодильы жалкие запасы: банку сайры, грамм сто ветчины и старый кусок сыра. Бросила в рюкзак вместе с половинкой батона. И помчалась на Удельную, оттуда через сорок минут отправлялась электричка. В одиннадцать буду на месте, темнеет поздно.

3

Интересно, ведь именно сегодня утром я думала о Косте. Не вспоминала, не вспоминала, а тут – вот оно! И все былое в отжившем сердце ожило...

Во сне я летаю, но не так, как другие летуны, которые руками машут или парят, или несутся над миром, переживая ощущения радости и свободы. Я взмываю, зависаю на миг, и, даже не успев ничего почувствовать, неожиданным резким рывком, словно кто сзади хватает меня за подол и кидает назад, лечу в пропасть. И сердце обрывается.

Моя подруга Генька сказала, что надо проверить сердце, но врач не нашел в нем никаких изъянов и посоветовал пить на ночь теплую воду с ложкой меда или валерьянку.

Не то, чтобы я так уж часто летала во сне, скорее редко, зато продолжается это давно, сколько себя помню. И вот нынешней ночью сновидение началось, как обычно: я взмыла в небеса, зависла, и тут же меня швырнуло назад – сердце ухнуло, и я, по привычному сценарию, должна была низвергнуться вниз и проснуться в холодном поту. Но ничего подобного. Меня снова выбросило вверх – и опять воздушная яма. И тут я осознала. Никуда я не падала. Я действительно летала. Только на качелях. В этот раз я совершила два или три качка и вкусила замирание сердца, смешанное с восторгом.

Как же так? Сколько раз со мной это происходило, а я и не

подозревала, в чем дело. Мне хотелось снова пережить эти мгновения, проверить, повторится ли ощущение качелей. Я не испугалась бы и всеми силами постаралась научиться извлекать неведомое раньше счастье полета. Но получится ли в следующий раз?

В моих снах мало странного и необъяснимого, обычно это смесь событий прошедшего дня или кусочков из прошлого, и по большей части я могу разложить сновидение по полочкам, то есть понимаю, откуда уши торчат, а тут, вроде бы, ни с чем качели не увязывались. Не было в моей жизни качелей. Не было падений. Ничего такого не было. И никаких травм. Я даже мизинца не сломала, тьфу-тьфу...

Однако? Пока я варила кофе, меня посетила невероятная догадка. Бросилась к письменному столу, где лежал художественный альбом канадского художника Роба Гонсалвеса. К Восьмому марта я получила его в подарок от своего воздыхателя. Полистала альбом и нашла то, что искала. Вот они – качели.

Стиль этого художника называют магическим реализмом. Это определение придумали недавно, а уж оно плотно укоренилось и употребляется кстати и некстати. Но в данном случае – в точку. Гонсалвес – волшебник, иллюзионист, он играет с пространством и материей, трансформирует явь в сновидение и сказку.

Золотая осень в провинциальном, чистеньком, словно игрушка, городке. На ветви дерева качели, самые простецкие

– доски на веревках. На одних летит девочка, на других – мальчик. И с каждым взмахом земля уплывает из-под качелей. Дорожки обращаются в реки, заборчик незаметно становится цепочкой домов с острыми фронтонами и башнями, а осенние листья под деревьями, словно ветром влекомые, сливаются с листвой крон. Летят дети в огромный, неизведанный мир. И все это на одном рисунке! Но тут лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Неужели *качели* в моем сновидении отсюда? Неужели Гонсалвес, мастер чудесных превращений, переиначил мой детский ужас в восторг?

Из всех картин Гонсалвеса мне больше нравятся полеты не на качелях, а на просторе. Вот дети вбегают в школьный кабинет географии, где учитель расстелил на полу карту, и прямо с ходу, раскинув руки, как птицы, взлетают с этой карты в небеса и парят уже над настоящими полями, лесами, водами, уносясь все дальше и дальше. Почему у меня не было такого учителя?

Или дети, спящие под лоскутными одеялами, будто с аэродрома, поднимаются ввысь. Одеяла же оказываются расчерченными зелеными, желтыми и коричневыми квадратами полей.

В невозможной реальности Эшера жить нельзя. Ею можно восхищаться. И в произведениях всей прочей сюрреалистической и магической братии, даже в картинах Магритта, который раньше меня очень занимал, я бы не хотела жить.

А метаморфозы Гонсалвеса завораживают. Он не страшный, хотя и в его мире надо держать ухо востро.

Море он претворяет в небо, чаек – в волны с белой пеной. Отражения остроконечных елей в воде, как присмотришься, оказываются вереницей дев с фонарями. Каньоны рек трансформируются в города, бабочки разлетаются осенней листвою. Люди у него возникают из туч, а северное сияние рождает ангелов. Ножницы-художницы режут зигзагами занавески, и за окном является другая реальность: вместо звездного неба – город небоскребов. Из занавеса в продуваемом ветром зале образуются бальные пары. Лабиринты подстриженных кустов, города и замки, винтовые лестницы, дома, леса и доли – все подвластно перевоплощению. Зимние реки вздымаются безлистной кроной угловатых ветвей. Небо начинает струиться замерзшей рекой. А звезды при ближайшем рассмотрении преображаются в фонарики в руках конькобежцев... Круглые веранды, мальчик и девочка, снова мальчик и девочка, двери в иные миры и право выбирать, в которую войти...

Кофе убежал и залил плиту, пока я предавалась причудливым фантазиям Гонсалвеса. Снова наполнила кофеварку и поставила на газ. Позвонила свекрови, записала, что купить на рынке. И уже спускаясь по лестнице, вдруг вспомнила!

Было в моей жизни падение! Но не с качелей. Тарзанка оборвалась. И упала не я, а Костя. Он сломал ногу, а потом месяц скакал в гипсе на одном костыле. Мне было лет пять

или шесть, и это событие произвело на меня сильное впечатление, тем более я была свидетельницей его полетов над песчаным обрывом и падения.

Это случилось на даче, куда я сейчас ехала.

Неряшливые ели, кривые тонкие стволы березы и ольхи. Черные лужи с зеркальными проблесками неба, а за ними песчаные кособокие горы. Сосны с розово-коричневыми стволами, как праздничные свечи. Там-сям полянки, усеянные белыми цветками ветреницы. Деревья голые, а в городе зеленеют всюду.

Двойные стекла электрички грязны, но вижу все ярко и резко, словно смотрю на это другим, внутренним взором. Я еду на дачу, с которой связано все лучшее и худшее в моем детстве. Я не была там много лет.

Мать Кости, тетя Нина, любила мою бабушку и маму, и меня любила, называла «кукла», «куколка» и «моя обезьянка». Из разговоров взрослых, не предназначенных для моих ушей, я знала, что она хотела родить дочку, но родила Костю, а вскорости пережила какую-то операцию на почки, потом ей удалили матку, с тем ее женская жизнь и закончилась.

Дяде Коле нужна была дочка, так считала тетя Нина, потому что с дочкой он бы помягчел душой, мог бы ее ласкать, потакать капризам и прочее. А с сыном у него контакта не получалось, был сух и строг, никогда не обнимет, а только раздражается и ругает. Моя мать говорила: «Бедный мальчик вырос не на сказках, а на нравоучениях». Когда я была совсем маленькой, то сживала у дяди Коли на коленях, дер-

гала его за усы, щипала за уши, а он только смеялся. Он говорил со мной на моем птичьем языке, а на прогулках, когда я уставала, таскал на закорках. Мы с ним и потом дружили, но появилась малявка Лилька – наша младшая кузина, которая, надо признаться, в отличие от меня, действительно была кукла куклой. Дядя Коля поделил свою привязанность между нами, теперь он тетешкался и курлыкал с ней, а со мной подобные нежности кончились. Наверное, я ревновала.

Дядя Коля и тетя Нина по возрасту могли бы быть моими бабушкой и дедушкой, потому что были намного старше моей матери. И Костя был на десять лет старше меня. Мне было пять лет – ему пятнадцать, мне десять – ему двадцать. Мы жили в разных мирах. А с какого возраста я была в него влюблена, не знаю, кажется, с самого рождения. Когда это кончилось, тоже не знаю. Процесс был ступенчатый. Первая ступенька: я застукала его в уголке между забором и столяркой (так назывался сарай-мастерская дяди Коли в дальнем углу сада), когда он обжимался с какой-то девицей. Увиденное произвело на меня тяжелое впечатление. Вторая ступенька: женитьба на Сусанке. Это вообще конец света. Третья ступенька: смерть тети Нины, которая прервала наше частое общение. Без нее я уже почти не бывала у них в городе и на даче. Потом я окончила школу, поступила в университет, влюбилась в соученика, разлюбила его, а еще позже вышла замуж.

Тетя Нина умерла от рака вскоре после женитьбы Кости,

причем умирать отправилась к сестре, в Воронеж. Поехала будто бы ее навестить, но, как говорили, перебралась туда специально, почувствовав приближение конца. Она завещала (разумеется, устно, но настоятельно) похоронить ее с родителями, в Воронеже. Зачем она это сделала? Болтали, что от обиды на дядю Колю, чтобы досадить ему. Поскольку сама она долгое время не могла жить с ним, как с мужем, он завел себе женщину.

На похороны в Воронеж ездили только дядя Коля с Костей. А вскоре после того дядя Коля перебрался на дачу, и, насколько мне известно, никаких женщин у него не было, жил один. Вероятно, в постели женщина ему уже не нужна была, а к жизни он был вполне приспособлен, обслужить себя мог. Но достоверно я об этом не знаю, сие покрыто мраком...

Дядя Коля был выше и, я бы сказала, импозантнее Кости, хотя в отличие от него всю жизнь занимался тяжелым трудом. Может быть, руки его не отличались большим изяществом, но кто бы подумал, увидев представительного мужчину в велюровой шляпе с полями, что это литейщик? Вообще-то дядя Коля был человек не простой, он был рабочим-интеллигентом, любил историю и собрал большую библиотеку. Он был единственным из знакомых мне людей, у кого на полках стояли двести томов «Библиотеки всемирной литературы». Кстати, далеко не все собиратели библиотек читали свои книги и давали читать другим, а уж редкие

книги и вообще держали подальше от чужих глаз. Дядя Коля и сам читал, и другим не отказывал, не жмотился.

Его мать вернулась из эвакуации инвалидом, она работала на лесопилке и потеряла руку, отец погиб на фронте. В общем, дяде Коле пришлось не учиться, а вкалывать, он подростком пришел на «Красный Выборжец», на завод по обработке цветных металлов, где до войны начальником цеха был его отец. Поначалу дядя Коля работал каким-то подручным, а в конце концов стал литейщиком. Аттестат о среднем образовании он получил в школе рабочей молодежи.

Леса, поселки, дачные вокзальчики и платформы. Я нервничала. Я испытывала разные, лишённые всякой логики чувства. Мне хотелось побыстрее приехать, чтобы уяснить обстановку, увидеть все своими глазами. А еще больше хотелось оттянуть приезд. Я боялась найти дядю Колю дряхлым, умирающим, а еще больше боялась, что он умрет при мне. Я хотела запомнить его полным сил, с рубанком, пилой, корзинкой с грибами, каким он был в моем детстве. В общем, смятению моему и позорной трусости не было предела.

А почему, собственно, я решила, что он умирает? Сусанка сказала – заболел. Может, ему стало лучше? И ничего удивительного, что от Кости нет известий. Кого извещать, если они с Сусанкой в разводе? Тем более так получилось, что майские праздники оказались неожиданно длинными, удачно совокупились выходные с первым и девятым мая. И думать ни о чем дурном не надо. Все-таки большая я свинья,

что никогда не навестила старика.

Всплывали какие-то мгновения, погребенные в пыльных чуланах памяти: картинки, фразы, слова, я и не предполагала, что там все это осело и хранится.

Вот мы сидим с тетей Ниной на веранде, обрезаем хвостики и носики у крыжовника и бросаем в таз для варки варенья. Вот перебираем чечевицу для похлебки или каши. С детства не ела чечевицы! Вечерами мы играем в шашки или в старую игру «Цирк», где нужно бросать кубик и шагать по нумерованным клеткам фишками-пирамидками. Можно добраться почти до финиша, следуя из клетки в клетку, отступая назад и снова упорно продолжая путь, или подняться со слонем по лестнице чуть не до победной сотой клетки и вдруг съехать по горке вместе с клоуном в самое начало. Моя фишка голубая и прозрачная, похожая на леденец, так что все время хочется засунуть ее в рот. «Цирк» мне нравится гораздо больше, чем телевизор, который, кстати сказать, откровенно показывает.

На день рождения и праздники тетя Нина дарит мне красивые платья и наряжает меня. «Зачем только ты тратишься?» – с укором спрашивает мама. «Люблю играть в куклы», – отвечает тетя Нина.

Дядя Коля делает нам с тетей Ниной гончарный круг, и мы пытаемся вылепить из глины подобие горшка, но ничего у нас не получается.

У меня для купания, вместо трусов, бикини. В первый

раз я надеваю лифчик, прикрываю грудь и воображаю себя Мэрилин Монро или кем-то в этом роде. Окунаюсь в озеро, плыву красивым собачьим стилем, вылезая на берег, гордо оглядываясь, и не понимаю, почему Костя так смеется, что хватается за живот, приседает на корточки и валится на песок. Только потом замечаю, что лифчик у меня сполз и болтается подмышками, обнажив груди-прыщики. Вот что Костю насмешило. Стыдно невыносимо. А ведь только что все было супер!

Или вот еще: я ем розовые шелковые лепестки шиповника, а в пышных растрепанных пионах ловлю зеленых майских жуков-бронзовок, отливающих металлическим блеском, и сажаю в спичечные коробки. «Отпусти их, – говорит тетя Нина. – У них дома детки плачут».

Рисую соцветие герани, но у меня нет белой краски для правильного цвета лепестков. Я недовольна своей работой, а ведь это подарок тете Нине. Но она говорит: «Очень красивый рисунок. Я всегда буду его хранить». «Никогда не выбросишь?» «Я же тебе сказала – *всегда*». И я написала на обороте: «Хранить вечно!»

«Всегда» и «вечно» существуют только в памяти.

Я спрашиваю тетю Нину: «Почему ты зовешь меня обезьянкой?» Я подозреваю, что дело здесь нечисто, я ведь вижу в зеркале: рот до ушей, хоть завязочки пришей, нос – пуговкой, щеки круглые, маргышка и есть. А она: «Потому что ты такая же милая и забавная», – и в голосе столько любви и

искренности, что не поверить нельзя. Но ответ меня не успокаивает, однажды моя тетка Валя, Лилькина мать, после одного неприятного случая оторвала меня от земли за уши и прошипела в лицо: «Ты похожа на обезьяну!»»

Двери электрички закрываются со зловещим мягким стуком. Осталась одна остановка. Вот бы приехать и окунуться в прошлое: тетя Нина что-то готовит в кухне, дядя Коля курит на крыльце, а Костя заводит в калитку велосипед. И все еще живы, никаких утрат и разочарований.

Надеваю рюкзак. Двери открываются, выхожу на платформу, иду по направлению к даче. Ноги знают, куда идти, только не идут. Неприятно поражает сгоревший дом у дороги, черная кирпичная труба на пепелище. На минуту мне кажется, что я заблудилась, но здесь невозможно заблудиться.

Дом находится в бывшем больничном городке. Название, можно сказать, историческое. Когда-то давно там жил персонал больницы, пока ее не перенесли в соседний большой поселок, а дома не распродали. Один из них купили Самборские. Место было потрясающим, с одной стороны речка, с другой овраг, с третьей – лес. И всего девять домов. Грибы росли прямо на участке и за ним. Но теперь, как я слышала, этот заповедный дачный пяточок погубила близкая мусорная свалка в овраге. Воня я пока не ощущала, а сумерки, несмотря на мои надежды, все-таки сгущались. Небо заложило тучами. Перейдя речку, увидела дачи. Ни огонька.

Дяди Колин дом заметен издали, окна темны. И тут меня посетила последняя малодушная мысль: пусть дверь окажется-

ся заперта, а дядя Коля с Костей уехали в город.

На калитке такая же петля из проволоки, как раньше. Иду по тропке к веранде и возле крыльца натыкаюсь на гроб. Чуть не свалилась, ушибла ноги, облилась холодным потом. Не сразу сообразила, что это просто длинный деревянный ящик. Хотя странный ящик! Для чего такие делают? Для оружия? Для упаковки музейных ценностей? И человек туда как раз поместится. Дядя Коля, например.

Совсем шизанулась.

Бочком, бочком – подальше от ящика! – взлетела по ступенькам, схватилась за ручку двери. Она, черт возьми, подавалась. В сумраке веранды за столом – Костя. Перед ним стакан и почти пустая бутылка водки. Мы смотрели друг на друга и молчали. Его ничуть не удивил мой приход, будто все эти годы я появлялась здесь,жданная и неожиданная.

– Где дядя Коля?

– Умер, – отвечает Костя, и я испытываю что-то вроде облегчения. По крайней мере, обстановка ясна, все уже случилось, и ничего страшнее не будет.

– Он наверху? – спрашиваю шепотом.

– Я его похоронил, – сообщает Костя.

У меня подкашиваются ноги, и, благо стою возле дивана, опускаюсь на него. Вот все и свершилось без моего участия.

Потянулась к выключателю.

– Света нет, – предупредил Костя и достал свечку, вlepенную в стеклянную банку из-под томатной пасты. – В поселке есть, а здесь отрубили. Выкуривают потихоньку. Кому-то наш закут приглянулся.

Даже при таком освещении было хорошо заметно, как Костя постарел, подурнел, полысел. Когда-то он казался мне очень красивым. Но внешние перемены меня не смутили, более того, он показался милее, роднее и доступнее.

Он словно прочел мои мысли.

– А ты, мне кажется, похорошела.

Видимо, он пил не один, потому что на столе стояли еще два стакана. Я развязала рюкзак, вынула жалкие съестные припасы, открыла ящик буфета. Консервный нож лежал на том самом месте, где и много лет назад. Открыла банку сайры, вывалила в тарелку, батон наломала кусками. Костя тем временем достал рюмку и разлил остатки водки.

– Ну, давай, не чокаясь.

– Царство ему небесное, – сказала я, выпила водку и закусила сайрой. – А ты, случаем, не пьешь? – Я подозрительно его рассматривала. Под глазами мешки, лицо мятое, щеки совсем ввалились. – Говори честно.

– Ты хочешь знать, не алкоголик ли я?

– Не обязательно алкоголик, может быть, просто... пьяница.

– Нет. Не пьяница.

– Не врешь? А из-за чего вы с Сусанкой разошлись?

– Вот почему ты приехала. Она тебе позвонила.

– А ты думал, проходила мимо и зашла?

– Ничего я не думал.

– Почему Сусанке не сообщил, что дядя Коля умер?

– Некогда было ее разыскивать.

– Ну и обо мне ты, конечно, не вспомнил...

Хотя почему Костя должен был обо мне вспоминать? Я-то о дяде Коле сколько лет не вспоминала?

Дядя Коля умер тридцатого апреля. Из соседнего большого поселка приехал врач, который и раньше его навещал. Выдал справку о смерти, посоветовал искать машину и везти покойника в город, в морг. Время было позднее, все равно Костя не успевал ничего оформить. А еще дядя Коля хотел, чтобы его похоронили здесь, на маленьком кладбище, под соснами.

Костя пошел к сторожу, который смотрел за кладбищем, обещал после праздников привезти деньги и свидетельство о смерти. Оставалась проблема с гробом. В поселке был хороший плотник, но он уехал в город на свадьбу. Был и другой, сказали – «на все руки», но гробы ему не приходилось сколачивать.

Первого мая Костя поехал в Выборг, но похоронные кон-

торы были закрыты. В поселках – гульба. В конце концов кладбищенский сторож сам уговорил мастера, который «на все руки». Тот обещал управиться к следующему дню. Оба были изрядно пьяненькие. Костя отца сам обмыл, одел, и второго мая отправился за гробом. Мастер был пьян в стельку, хотя что-то уже начал строгать и прибивать. Сегодня утром, то есть третьего мая, он пожаловался Косте слабым голосом: «Если я сейчас не приму, сам коньки откину». Когда Костя увидел гроб, он чуть не спятил. Это был тот самый длинный ящик-пенал, о который я споткнулась у крыльца. Мастер меж тем принял на грудь, размяк и извиняющимся голосом попросил: «Ну, не серчай, я вообще-то не плотник, я – слесарь».

Выхода не было, Костя погрузил ящик на тележку, привязал. Вез, волок, тащил на своем горбу. Только дома он понял, что гроб не закрывается. Пошел в отцовскую столярку искать гвозди, и здесь наткнулся на всамделишный гроб, сосновый, не покупной, сработанный дядей Колей для себя.

Сторожа Костя не нашел, поэтому сам выбрал место на окраине кладбища и стал копать яму. Думал, будет легко, ведь почва песчаная, но ничего подобного, вся она была пронизана и заплетена корнями сосен, так что пришлось идти за топором и вырубать их. Ладони у Кости были содраны до мяса. Отнести гроб и опустить его в могилу помогли дед и его немолодой сын из поселка, давно знавшие дядю Колю, а помянуть как следует не дала жена сына, прибежала и уво-

локла обоих.

– А что, Сонулька, не сходить ли нам еще за бутылкой? Как считаешь? – спросил Костя.

У меня екнуло сердце. Никто, кроме Кости, не называл меня Сонулькой. Соня-засоня – звали, ненавистной Софой – софой – звали, крестница Шурка – Соништой, а Сонулькой – он один. Это было детское забытое имя.

– «Тарзанку» помнишь?

– Какую «тарзанку»?

– С которой ты свалился и конечность сломал?

– Над оврагом-то? Помню. Так что насчет бутылки?

– А ведь ты в рюмку не плюешь?! Верно? – Он не сразу понял, о чем я, тоже не слышал такого выражения. – Ладно, – говорю, – а где ты ночью возьмешь бутылку?

– Мы же не в открытом море.

На улице стемнело. Дорога была светлее неба, мы шли по ней, как по Млечному Пути, спотыкались и потешались над собой. Но вот показались дачи и странный дом.

– Частный магазин, азербь держат, – пояснил Костя. – Его называют – «Воронья слободка». Здесь торгуют, товары хранят, живут, корову держат, птицу.

Складывалось впечатление, что обычный двухэтажный дом с гаражом внизу упрямо и обильно облепляли со всех сторон клетями, сараями и верандами, так что в результате получился крутой сюр. С одной стороны стоял столик под зонтиком для выпивох, у стены были свалены ящики, с дру-

гой – фургон, тазы, корыта и какая-то бытовая утварь. Надрывалась цепная собака и орал ребенок. Тускло светилась обширная веранда на втором этаже, а на окружавшем ее балкончике реяло стираное тряпье. В полутьме это походило на театр. Театр абсурда.

Внизу скрипнула дверь, и показался страшный мужик, похожий на лешего, но трезвый и деловой. Протянул бутылку.

Печка в дяди Колином доме не топилась со дня его смерти, но после водки мне стало тепло.

– В эти последние дни мы с ним много говорили, – сказал Костя. – Наверное, больше, чем за все последние годы. И знаешь, он о тебе спрашивал.

– А что хотел узнать?

– Что-нибудь... Как живешь...

– И что ты ему сказал?

– Сказал, что замужем, а есть ли дети, не знаю.

– Господи, Костя, ты же знаешь, что я давно не замужем! И детей у меня нет!

– Пардон. Хотя думаю, ему приятнее было услышать, что все у тебя, как у всех.

– А про Лильку не спрашивал?

– Не спрашивал. Ты видишься с ней?

– Вижусь. Особенно часто после смерти тетки Вали. Лилькина дочка, Шурка, моя крестница.

– Это же Валентина тебя устроила на работу в Лениздат?

– Первый раз слышу. С чего ты взял?

– Томик говорила.

Томик – домашнее имя моей матери, я и сейчас ее так называю в добрые минуты, когда вспоминаю прошлое, хорошее. А с теткой ВалеЙ прохладные отношения на всю жизнь у меня сложились после глупой детской истории, которая случилась, к слову сказать, здесь, на даче.

Тетка Валя с Лилькой приезжали обычно ненадолго и жили во времянке. Лет восемь мне тогда было, а Лильке, значит, пять. Однажды мы пошли купаться. В тетке Вале был центнер веса. Мальчишки моего возраста, увидев, как она плюхнулась в озеро, чуть не вызвав цунами, захохотали. Наверное, мне хотелось привлечь их внимание, потому что я гордо заявила: «Это моя тетка». Внимание привлекла, один белобрысый спросил: «А слабо заорать: моя тетка – жирдяйка»? Я оценила расстояние, на которое уплыла тетка, и крикнула. Услышать меня она все равно не могла, и мальчишки потеряли ко мне интерес. Потом этих мальчишек я больше не видела, а когда тетка Валя, пыхтя и отряхиваясь, вышла на берег, Лилька наябедничала: «Она кричала, что ты жирдяйка!» Тетка подошла ко мне красная, как помидор, щеки ее дрожали от гнева, по лицу стекали капли озерной воды.

– Ах ты, маленькая поганка! – сказала она и схватила меня за уши. – Я же не говорю, что ты похожа на обезьяну?!

Мне показалось, она оторвала меня от земли, а когда я приземлилась, уши остались у нее в руках. Я пустилась бежать, забралась в дяди Колину столярку и просидела под вер-

стаком до вечера. Уши горели, но были на месте. Вылезла я на свет божий, когда меня уже разыскивали. Тетка Валя, судя по всему, никому не рассказала об инциденте, но я считала, что она не простила меня, а я прощения и не просила. Потом мы никогда не вспоминали об этом случае.

– На похоронах тетки Вали, в крематории, я впервые услышала, что она очень и очень известный химик. Там зачитывали соболезнования разных академий и научных обществ из разных стран. Даже из Австралии. Ты в курсе?

– Конечно. Кстати, у нее то ли отец, то ли дед тоже был известным химиком.

– Надеюсь, не Менделеевым?

– Нет, не Менделеевым. Самборским. У них, кстати, Валентина последняя носила эту фамилию. До замужества. А Лилька замужем?

– Разведена. Дочке четырнадцать лет.

– А как Томик?

– Живет с гражданским мужем, художником, в его мастерской. Величает его бойфрендом. – Подумала и добавила: – Они вместе квасят. Много и с удовольствием.

Вообще-то я никому об этом не говорю, но что от Кости-то скрывать?...

– Ты знаешь, в юные годы я был в нее влюблен, – сказал он, как мне показалось, мечтательно, а потому отозвалась я с ехидством:

– Очень трогательно.

– Что ж удивительного? Она всегда была такой красивой, элегантной, экстравагантной. Я даже хвастался, что вот, у меня есть знакомый искусствовед – очень эффектная женщина.

– Видел бы ты ее сейчас...

Мы помянули тетку Валю, потом расстелили ватник на крыльце и уселись покурить, точнее, курил он, я просто так сидела. Было не холоднее, чем на веранде, небо ватное, без лучика звезды. И тишина, какой я не слышала давным-давно.

Вот я и вернулась на дачу. Подумала о своей жизни, и стало так грустно, что приклонила голову на плечо Кости, возможно, даже слезу пустила, потому что он вытирал мне щеки пальцами и тыльной стороной руки, ладони-то у него были изуродованы. Лицо его оказалось совсем близко, и я прикоснулась к нему губами. Попала в уголок рта. А потом началось такое, к чему я будто бы не имела никакого отношения. Губы, руки и даже ноги действовали сами, я ими уже не управляла. Губы проникли в губы, руки гладили спину под одеждой, и вряд ли я ошибалась: с ним происходило нечто подобное. Я слышала, как бешено стучит мое и его сердце, а потом он поднял меня и потащил в комнату, на диван, вместе с ватником, который волочился за нами. Свалило нас, закружило, я только вскрикивала, и смеялась, и всхлипывала. А потом, обескураженные случившимся, мы сидели рядышком на диване, спустив ноги на пол.

Это был закономерный итог моей долгой детской любви?

– У тебя давно не было женщины? – спросила я, и он кивнул.

– У меня вообще ничего такого не было сто лет. – Помолчали. – Выбрали, конечно, самый подходящий момент...

– Ничего мы не выбирали.

– Это был инцест?

– С ума сошла?!

– А что? Не мы первые. И вообще, и в частности. В нашем и в вашем роду такие штуки уже случались.

– Что ты имеешь в виду?

– Мою прабабку и твоего прадеда. наших тезок! Софью и Константина.

Я замерзла, мы залезли под одеяло, и я положила голову ему на грудь, а он спросил:

– Между нашими пращурами что-то было? И что же?

– Известно что. Любовь. Только жениться им не позволили. Они были троюродные. Или все-таки двоюродные? Но такие браки случались. И если бы они поженились, возможно, моя прабабка была бы жива. Удивительно только, что нас называли их именами. Тебя – ладно, но меня-то... Я никогда не дала бы своему ребенку имя убитой прабабки. Конечно, я не верю, что с именем наследуется судьба...

– Ничего подобного не слышал.

– А про убийство?

– Какое отношение к убийству имел мой прадед?

– К убийству – никакого. А к моей прабабке – самое прямое, – сказала я, но говорить расхотелось.

Дрожь моя не только не прошла, но даже усилилась, и дрожала я теперь не от холода. Я дотронулась до него, он спал.

За окном рассвело, наверное, было часов шесть утра, синички-сестрички зацвинькали. Я старалась успокоиться, чтобы Костя выспался. Конечно, ему досталось вчера по полной программе. И вчера, и позавчера, и вообще... Вспомнила, что обещала позвонить Сусанке. Но она считает, что я поеду на дачу только сегодня. И пусть Костя сам разбирается со своей Сусанкой.

Проснулась я в постели одна. Костя был на втором этаже, я слышала его шаги. Он что-то двигал и перекладывал. В голове победно звучала невесть откуда взявшаяся песня:

*Пусть всё будет так, как ты захочешь,
Пусть твои глаза как прежде горят,
Я с тобой опять сегодня этой ночью,
Ну а впрочем,
Следующей ночью,
Если захочешь...*

Я не могла вспомнить, качели мне снились, или то, что случилось у нас с Костей, оставило захватывающее ощущение взлетов, падений и снова взлетов. Потянулась и удивилась: почему это я такая счастливая? А потом: стыдно так думать, ведь дядя Коля умер.

Я поднялась и оглядела комнату, прошла в смежную, потом в кухню и на веранду. Удивительно, что в целом здесь ничего не изменилось, то есть мебель пребывала на тех же местах, над диваном висела репродукция картины Лиотара «Шоколадница» в темной с золоченым краем рамке, а в буфете, рядом с рюмками и чашками стояли фарфоровые Хлестаков, городничий и белый медведь. И в то же время все бы-

ло не то, какое-то неживое, словно патиной покрытое. Тетя Нина везде расставляла цветы, а осенью – сухие букеты. Теперь вазы и кувшины громоздились на верхней полке стеллажа. Зато рядом с выцветшими пропыленными корешками книг пристроились фигурки из сучков и корневищ. Почти все они изображали зверюшек. За разглядыванием меня застал Костя и словно холодной водой окатил.

– Собирайся, у нас электричка в половину двенадцатого.

– Так завтра же выходной... Куда ты торопишься?

– Не могу здесь находиться.

Ну, конечно, об этом я не подумала, зато подумала о себе. Хотя после вчерашней ночи Костя мог бы быть поласковее.

– Пристрастился зверюшек вырезать. Возьми что-нибудь на память.

Я осмотрела жирафов, кошек, собак, слона, балерину в позе умирающего лебедя, а выбрала обезьянку. Она была симпатичной и наверняка понравилась бы тете Нине: рот до ушей полумесяцем, пялит наивные и глупые глаза, ножки согнула в коленках и обхватила ручками.

Собиралась я недолго. Остаться тут мне тоже уже не хотелось. По дороге молчали. О сегодняшней ночи – язык не поворачивался заговорить.

Вот так штука! Я снова чувствовала себя девчонкой при взрослом брате. Я снова была безответно влюблена, а он жил своей жизнью и не замечал меня.

– У тебя сохранились фотографии? – нарушила я молча-

ние. – Ведь твой прадед занимался фотосъемкой. Хотелось бы посмотреть. А может, что-нибудь из бумаг осталось? Меня интересует наша семейная история, в ней много странного.

– А что ты вчера говорила? Я чего-то не знаю?

И тут я заткнулась, а он и не настаивал. Но, если бы я рискнула рассказать об убийстве моей прабабки, Костя решил бы, что я тронулась мозгами. И, возможно, был бы прав.

История выглядела неправдоподобно и пошло. Она была похожа на старый немой фильм с преувеличенной жестикуляцией и мимикой, мелодраматизмом и полнейшей нелепостью сюжета.

Все случилось на даче. Прабабушка Софья только что родила мою бабушку Веру, после родов болела и лежала в постели. В комнате никого не было, и вдруг окно распахнулось, и с подоконника спрыгнул мужчина. Это был вор, он не заметил среди подушек и простыней больную женщину и начал рыться в столе, а Софья дотянулась рукой до тумбочки, вытащила оттуда пистолет прадедушки Бориса и направила на вора. «Руки вверх!» Вор бросился к Софье, чтобы отвести направленное на него дуло, на шум прибежал Борис, завязалась борьба за пистолет. В ходе драки случайно спустили курок, пистолет выстрелил, прабабушка упала бездыханная, ночная рубашка обагрилась кровью. Когда вбежали люди, окно было распахнуто, след злодея простыл, а прадедушка с пистолетом в руках застыл над убитой женой. Злодея не

поймали, а прадедушку отправили на каторгу.

Сию новеллу узнала я лет в десять при следующих обстоятельствах. Я болела и лежала в постели, а в доме отключили электричество (перебои с электричеством были не редкостью). Томик зажгла свечу и уселась ко мне на кровать, а я стала уговаривать ее рассказать страшную историю. Поскольку из «черной руки в черной комнате, где стоял черный сундук», я уже выросла, Томик предупредила, что это не только страшная история, но и страшная тайна, и посвятила меня в семейную легенду, которая поразила мое воображение. Я долго хранила тайну, пока не обнаружила, что старинная история совсем не запретная тема, но за давностью лет она никого уже не волнует. Считалось, что прабабушка погибла в результате несчастного случая, а прадедушка попал на каторгу за связь с большевиками. О его революционном прошлом узнать ничего не удалось, потому что его не существовало, а на каторгу он попал как раз после гибели Софьи. О Борисе вообще предпочитали не говорить.

Во всем присутствовала явная несообразность, и даже учитывая склонность Томика к фантазерству, я и сегодня сомневалась, что гибель Софьи была несчастным случаем. Если известно, что Борис не был виновен, тогда зачем он пошел на каторгу? Почему не защищал себя, признался в убийстве и отправился на заклание, как жертвенная овца? Или он все-таки был виновен, а сказку с вором придумали, чтобы сбросить честь семьи и пощадить дочь Бориса (мою бабушку Ве-

ру)? Не могли же ей сказать, что ее отец – убийца матери?

Я подозревала, что убийство совершил именно прадедушка Борис. В состоянии аффекта. Узнал, что между женой и ее двоюродным или троюродным братом Константином была любовная связь, и убил из ревности. А может, и ребенок (моя бабушка Вера) был от Константина?

Доказательства этой связи нет. Но в детстве я видела снимок Софьи и Константина, приникших друг к другу, как голубки. А на обороте стихи:

«Вот здесь все то, что в жизнь мою внесло так много счастья, радости, так много дивных, неземных переживаний, когда весь мир забвенью предан был... и помнил, знал одно: люблю – любим».

Старую фотографию на картонном паспарту с тиснением я нашла на даче, в шкафу, в коробке от конфет. Фотография поразила меня, не случайно я с детства помнила эти стихи. Тогда же я досочинила страшную историю, рассказанную Томиком, и свято уверилась в ней. А ведь похоже на правду...

Разумеется, Косте я не стала сообщать эту трагически-романтическую чушь, как назвала бы ее Томик. И вдруг я подумала: что, если сегодняшняя ночь любви не прошла для нас с Костей даром, вдруг я окажусь беременной? Судя по моему календарю, это маловероятно, но вдруг?

– Ты знаешь, кто наш общий предок? – поинтересовалась я у Кости.

– Расспроси свою матушку. А у тети Таши есть генеалогическое древо.

Тетя Тася – это еще одна наша тетка. До пенсии она преподавала что-то почвоведческое или агрохимическое в Пушкинском сельскохозяйственном институте. С давних пор мы ее за глаза называли Профессоршей, то ли она сама была профессором, то ли женой профессора. С тетей Тасей Костя виделся, когда помогал ей с переездом. Она попала в ДТП, были разные переломы, включая позвоночник, все срослось, а ноги остались парализованными. В то время тетя Тася жила в центре Пушкина, но ей предложили хороший обмен где-то на окраине, там была однокомнатная квартира на первом этаже с пандусом в подъезде. Туда она и перебралась.

– Профессорша нам троюродной теткой приходится? Или даже бабкой? А ты знаешь, что из Самборских ты последний носишь эту фамилию?

– Плакать или смеяться по этому поводу?

– Предаваться элегической грусти.

Иногда мне с Костей бывало легко, но чаще, тяжело, как сейчас. И говорить тяжело, и молчать. Я вытащила из кармана дяди Колину обезьянку и рассматривала ее.

– Знаешь, почему я выбрала обезьянку? Потому что она на меня похожа. Тебе так не кажется?

Он покачал головой.

– А на кого я похожа? Из животных?

– Понятия не имею. На кого-то из кошачьих. Или из со-

бачьих.

Он прикрыл глаза, дав понять, что разговор окончен. Так и ехали. На прощание поцеловал меня в щеку, будто ничего между нами не произошло.

Интересное кино! Это у него так принято? Ночь пройдет – и спозаранок, в степь, далеко, милый мой, он уйдет с толпой цыганок за кибиткой кочевой? Хорошенькое дело!

8

Дома я поставила обезьянку на письменный стол. Достала ящик с елочными игрушками и нашла там стеклянную серебряную избушку с крышей под белым снегом, с окошком, с дверью и даже с завалинкой. Этот домик однажды на Новый год мне подарил дядя Коля. Поставила игрушку рядом с обезьянкой. А от тети Нины ничего не осталось: она дарила мне одежду и кассеты с балетами «Щелкунчик» и «Жизель». Одежда была сношена, а кассеты выброшены вместе с магнитофоном-кассетником, когда на смену кассетам пришли диски.

Моталась по квартире без дела. К вечеру позвонила матери. Вроде трезвая. Сообщила о смерти дяди Коли. Она разохалась, а потом сказала со вздохом:

- Пусть земля ему будет пухом! Я его помяну.
- Ни минуты не сомневалась.
- Твоя ирония меня не задевает.
- Ладно, ты мне, пожалуйста, напомни: правда ли, что в Лениздат меня устроила тетка Валя.
- Конечно.
- Но ведь я вместе с тобой ходила в отдел кадров!
- По Валиной протекции. Там у нее приятельница работала.
- Почему же ты мне никогда об этом не говорила?

– О чем? О Валиной приятельнице?

– О том, что тетка Валя меня устроила в Лениздат!

– Ты об этом забыла. Память – сито, она просеивает то, что ей не нужно.

– А как ты думаешь, тетка Валя меня любила?

– Конечно, ведь ты ее крестница.

– В каком смысле?

– В прямом, она твоя крестная мать.

– Быть не может! Я считала своей крестной бабушку! – сказала я, уже понимая, что бабушки не могут быть крестными. – Как странно. Почему же я так думала?

– Ты вообще об этом не думала. И окрестили тебя, потому что так полагалось, по традиции. А в бога у нас никто не верил. Может быть, бабушка, да и то до войны, а потом уж вряд ли.

Сегодня – день открытий! Сидела в глубокой задумчивости. Может, и в самом деле, моя память не захотела задержать информацию о нелюбимой тетке? Чепуха какая-то...

Тетка Валя говорила: «Какие вы у меня дуры. Только Сонька умная дура, а Лилька – глупая». А еще в больнице, зная, что умирает, попросила: «Не бросай Лильку, а главное, Шурку». Нелюбимым не поручают самых любимых. Или поручают?

И, конечно же, я думала о Косте и не могла избавиться от привязавшейся песни: «Ну а впрочем... если захочешь...» Но как уныло она во мне звучала!

Ждала звонка весь день. Даже в ванной, под душем ждала. Телефон положила на бортик раковины, чтобы дотянуться. А потом опять ходила по квартире в пижаме, с полотенцем на голове и бокалом вина из вчерашней бутылки. На часах было девять вечера, и я встрепенулась: сейчас раздастся звонок. Сейчас он позвонит. Пролетело полчаса, час... Раздался звонок. Пока снимала трубку, чуть сердце не выскочило. Слабым голосом: «Слушаю...»

Лилька. И триндит, и триндит, прямо понос какой-то!

Лилька собирается выйти замуж за мужчину, с которым уже год валандается. Раз в месяц на выходные она ездит с ним за продуктами в Финляндию, а Шурку отправляет ко мне ночевать. И каждый раз привозит мне лакричные конфеты, черные, резиновые. Почему-то Лилька убеждена, что я люблю эти конфеты. А я не люблю. Я ей сто раз говорила, но она, видимо, забывает. Правда, хоть я и не люблю лакричные конфеты, но иногда, когда жрать нечего, а хочется, я их употребляю для укрощения аппетита.

– Вообще-то я жду звонка. Междугородного, – уточняю озабоченным голосом.

– Ладно, закругляюсь. Но ты уж, пожалуйста, поговори с этой debilкой, – просит Лилька. – Вставь ей клизму, очень тебя прошу.

Она жалуется, что Шурка наезжает на нее, угрожает сбежать из дома, если Лилька выйдет замуж. Обещаю вставить Шурке клизму. На все про все уходит десять минут. Вдруг

он звонил в это время? Снова жду. Почему бы самой не позвонить? Почему, почему – по кочану.

Будто и не было прошедших суток, будто время вернулось вспять, и я снова малявка, неотвязно думаю о старшем красивом, умном, независимом и недоступном для меня брате.

Он не позвонит.

9

Костя не позвонил ни завтра, ни послезавтра, ни послепо-слезавтра. Вот козел! Что он себе вообразил?! Хотя, вероятнее всего, он ничего не воображал, он просто выкинул меня из головы. Память просеяла меня, как нечто несущественное.

А вот будет номер, если я беременна и рожу ребенка, маленького Самборского? А может, сразу двух, близнецов, мальчика и девочку. Лет через десять, когда мы снова встретимся, скажу ему: «Познакомься, Костик, это твои дети – Коля и Нина». Хотя нет, я назову их совсем другими именами, которые у Самборских никогда не встречались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.